

*Гийому, Симону-Адероу и Реми-Тарикю:
не важно, где я, — пока вы со мной, я дома.*

Дача — загородный дом, обычно для летнего отдыха.
Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова

Тогда началась волшебная сказка, и во мне впервые пробудилась та любовь, которой суждено было длиться всю мою жизнь¹.

MARCEL PAGNOL
La Gloire de mon père

1 Марсель Паньоль. Слава моего отца. Перевод Н. Гнединой.
(Здесь и далее — прим. перев.)

От автора

“Дача” родилась из моей потребности в ней, из моей неотступной мечты в тревожное время, которое нам всем выпало пережить (и которое для нас еще не закончилось).

Прошлой весной резкий упадок сил из-за сложившейся ситуации едва не парализовал меня, но, главное, мне не удалось воспользоваться этим вынужденным перерывом и начать писать. Поэтому я принялась размышлять. О том, чем хотела бы поделиться, об истории, которую расскажу в следующем романе. В романе о том, что будет “после”. Или, если получится, в “романе-встрече” после разлуки...

Я долго искала и нашла убежище, место, где могла бы вновь обрести все, чего мне остро не хватало, в окружении моих персонажей, которых я так люблю, с их силой и слабостями, горестями и испытаниями. Место, где можно предаться ностальгии и вволю насладиться ею. Место, где люди обнимаются и танцуют, где свободно выплескивается радость.

Когда я впервые переступила порог “Дачи”, мне показалось, будто я “распахнула ставни”, вырвалась из ночной тьмы...

ОТЕЛЬ “ДАЧА”

Представьте себе летнее утро, вы просыпаетесь, вокруг легкий полумрак, вы догадываетесь, что солнце поднялось, а на улице довольно жарко — не слишком, но вам уже понятно, что день будет прекрасным. Вы встаете, открываете ставни, и свет окутывает вас нежным сиянием, вы улыбаетесь, и вы живете... Да, в такие минуты я улыбаюсь, я счастлива, и я снова живу...

Желаю вам приятно провести время в отеле “Дача”... Пусть оно будет таким же радостным и волнующим, как у меня.

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

Пролог

Я вконец устала и насквозь промерзла. Очередная ночь на улице. Вообще-то я уже три года как перестала вести счет таким ночам. Что я, интересно, вообразила? Что стоит мне пересечь Францию, голосуя на дорогах, и все мои проблемы уладятся как по мановению волшебной палочки, потому что я сменю регион? Верить в это очень хотелось, и я цеплялась за любой, самый крошечный намек на надежду. За любую мелочь, едва различимую крупинку, благодаря которой снова захочу сражаться, снова захочу жить. Однако, надо заметить, я не была наивной невинной овечкой, отнюдь. В двадцать один год я уже чувствовала себя старой и сломленной. Когда я достигла совершеннолетия, меня озарила блистательная идея: чтобы отыскать мать, я ускользнула от внимания социальных служб. Скрыться-то я скрылась, а толку? С тех пор я была предоставлена самой себе и справлялась, как могла. На меня сыпались удары, я отбивалась, когда требовалось. Постоянная готовность дать

отпор вошла у меня в привычку едва ли не с самого рождения.

Чтобы поесть и не каждую ночь проводить на улице, я не гнушалась ничем, лезла в любую грязь и все меньше уважала свое тело. Шло время, и ситуация, в которую я попала, делалась все опаснее. Наступил момент, когда необходимость где-то отсидеться стала вопросом выживания. Я надеялась, что еще не слишком поздно. Сработал инстинкт самосохранения.

Он-то и велел мне зайти в первую попавшуюся забегаловку, оказавшуюся на моем пути. Мне срочно надо было согреться. Нескольких монет у меня в кармане хватало на чашку кофе. Я выбрала стол, с которого просматривался зал, попросила принести кофе и стала ждать. Я любила слушать разговоры в кафе, это меня успокаивало и позволяло мечтать о других жизнях, не таких, как моя, даже если зачастую они тоже не были такими уж развеселыми. Преимущество фантазий заключалось в том, что, пока они длились, я не думала о своем положении и была не такой одинокой. Чтобы выпутаться, мне постоянно приходилось быть начеку. Накануне вечером меня высадили у вокзала в Кавайоне. Я похвалила себя за то, что в школе не была совсем никчемной ученицей и сумела примерно сориентироваться по карте. Однако до меня почти сразу дошло, что здесь мне ловить нечего. Я попала в бистро, куда приходили местные, деревенские жители, чей язык точно не был мне знаком. Обычно я имела дело с мелкой шпаной, они корчили из себя уголовных авторитетов, которыми, вполне возможно, станут в будущем, причем даже в ближайшем. А эти мужчины и немно-

гочисленные женщины вели себя просто и искренне, к чему я не привыкла. Хуже того, я чувствовала себя беспомощной перед их доброжелательностью. Ведь я привыкла всегда и ко всем относиться с подозрением. Моя жалкая личность, в свою очередь, привлекла внимание местных. Наверняка они тоже выдумывали всякие истории про меня. Я, конечно, старалась выглядеть прилично — у меня все же сохранились остатки достоинства, — однако мой внешний вид говорил сам за себя. Я куталась в большое черное пальто, которое заодно служило мне одеялом и не очень согревало, сапоги — несколько лет назад они упали с проезжавшего мимо грузовика, и я подобрала их — с гордостью демонстрировали свою долгую службу на пройденных дорогах, мое лицо было не слишком чистым, глаза так устали, что краснота заползала на голубизну радужки, грязные темно-русые волосы были небрежно собраны в пучок. Не стану уж описывать рюкзак, который я прислонила к ногам, как самое ценное имущество, каковым он, безусловно, являлся: в нем было все, чем я владела. Я ненавидела вызывать жалость. Но что заслужил, то и получаешь. В данный момент мне требовалось только одно: найти решение, чтобы не застрять здесь.

Допив кофе, я направилась к стойке с последними монетами, зажатыми в кулаке.

— Извините, не подскажете, кто-нибудь собирается ехать в Марсель, Тулон или Ниццу? — спросила я хозяйку как можно более вежливо. — Все равно куда, я только хочу попасть в большой город, чтобы найти работу.

И крышу над головой... Но об этой мелочи я предпочла умолчать.

— Ищешь работу? — неожиданно обратился ко мне мужчина лет шестидесяти с хриплым голосом.

— Ой, Джо, привет! А я тебя не заметила, — воскликнула хозяйка.

Он кивнул в ответ, продолжая изучать меня. Его мощное сложение и искореженная физиономия боксера произвели на меня впечатление, но я постаралась скрыть это.

— Сколько тебе лет, девчонка?

— Двадцать один.

Он вздрогнул, я не поняла почему.

— Действительно хочешь поработать? По первому впечатлению, сил у тебя немного, ты похожа на кролика, ослепленного светом фар.

Я сдержалась и не послала его. Надо оставаться учтивой.

— Зависит от того, что вы мне предложите.

— Мне нужна горничная в гостиницу.

Я ни на что особенное не претендовала. Для меня это была непозволительная роскошь. Мой приоритет — выжить. Интуиция подсказывала, что этот мужчина не даст мне возможности взвесить все за и против. Надо было как-то выиграть время, успеть поразмыслить, оценить его. Мое доверие не завоевывалось одним щелчком пальцев.

— А где она, эта ваша гостиница?

— За городом, километрах в двадцати отсюда, ты вряд ли знаешь это место.

Он был прав, но иногда нахальство становилось единственным доступным мне оружием. Я вздернула подбородок:

— Вы все же скажите.

— В Гульте.

— В Гульте есть где переночевать?

— У нас ты получишь постель, еду и душ.

Спорить с такими убедительными аргументами я не могла. Кровать, место, где я буду в безопасности, не буду голодать и смогу помыться.

— А что я должна буду делать за это?

На его лице проступила ироническая ухмылка, не лишенная оттенка грусти. Может, я его обидела, намекнув, что от меня, наверное, ждут чего-то еще? Выходило, что мы все-таки живем в разных мирах.

— Честно вкалывать и не жаловаться на сверхурочные.

— И все? Никакой подставы, ничего такого...

— И все. Не беспокойся, от тебя потребуется только быть честной и работать.

Настанет день, когда мне придется заплатить за эти щедроты. В реальной жизни щедрых людей не бывает.

— Когда вы хотите, чтобы я начала?

— Завтра. Поедешь сейчас со мной, устроишься, помоешься, выспишься, поешь, а потом будешь полгода вкалывать. Если справишься, естественно...

— Мне приходилось заниматься вещами и похуже, чем уборка.

— Охотно верю.

Мы с вызовом уставились друг на друга. Его предложение было более чем странным, оно должно было меня напугать. Нельзя идти за невесть откуда взявшимся мужчиной, предложившим тебе работу в своей гостинице. Все, абсолютно все, было подозрительным. Но в самой глубине души я чувствовала, что могу или даже должна довериться ему. Несмотря на изрезанное морщинами лицо и жесткий взгляд — на таких я в своей жизни насмотрелась, — в нем было что-то обнадеживающее.

— Я пойду с вами.

По его лицу как будто промелькнула тень облегчения, но это произошло так быстро, что я не была уверена, правильно ли поняла. Я даже не успела среагировать и уж тем более уяснить, на что согласилась, как он хлопнул в ладоши, давая сигнал к уходу, и сгреб мой рюкзак, причем так, словно тот ничего не весил. Кивнул хозяйке за стойкой и направился к выходу.

— Беги, — поторопила меня женщина. — Джо не отличается терпением.

Я побежала за незнакомцем, который уводил меня неизвестно куда. Он перешел через дорогу, не проверяя, следую ли я за ним. С другой стороны, моя жизнь была в его руках, так что он догадывался, что я не отстану от него ни на шаг. Подойдя к огромному пыльному внедорожнику, он небрежно швырнул эту мою жизнь на заднее сиденье и сел в машину, по-прежнему не обращая на меня внимания. Возле автомобиля я на мгновение заколебалась. У меня оставался последний шанс схватить рюкзак и умчаться со всех ног.

— Это не ловушка, — сообщил он, не удостоив меня взглядом и уже взявшись за руль.

— Я вас не знаю.

Он как-то удрученно посмотрел на меня:

— Поехали, и если тебе у нас не понравится, обещаю отвезти тебя, куда захочешь. Только куда ты пойдешь в этих больших городах, о которых говоришь? Голову на отсечение даю, что ты там никогда не была. Тебя там кто-то ждет? Там тебе найдется где спать? Я для тебя не большой незнакомец, чем те, на кого ты наткнешься в большом городе.

— Подъезжаем.

Я задремала от усталости и оттого что мы всю дорогу молчали. Интересно, который час? Он весь день возил меня с места на место и только просил оставаться в машине, когда выходил из нее. Единственный раз он обратился ко мне, протягивая сэндвич, и заодно объяснил, что еще не сезон и гостиница закрыта — весна только начиналась, — поэтому нужно будет все привести в порядок к приезду клиентов, которые ожидаются меньше чем через неделю. Солнце уже висело низко и просвечивало сквозь голые пока ветви деревьев. Он свернул с шоссе. Дома были разбросаны по безлюдным окрестностям, насколько хватало глаз. Этого-то я и опасалась. Я буду отрезана от всего. И доказательство тому — пришедшее в запустение селение, попавшееся нам по пути. А потом машина съехала на узкий ухабистый проселок. Не заметь я вдали огромное строение, подумала бы, что он сейчас завезет меня вглубь леса и разрежет на куски.

— Мы в горах! — вырвалось у меня помимо воли, когда я запаниковала из-за открывшейся передо мной картины.

Он расхохотался, искренне и бесхитростно.

— Так ты, девчонка, не представляешь, где находишься?! Вон там, на севере, — он махнул в сторону высившейся вдали безлесной, покрытой снегом вершины, — гора Ванту, “Тигант Прованса”, и Воклюзские горы. А на юге Люберон. Я тебе как-нибудь покажу.

Вообще-то мои географические познания были весьма скудными. Я только усвоила, что мы находимся в Провансе. А он больше не обращал на меня внимания и сосредоточился на дороге. Мы въехали в кипа-

рисовую аллею, и он резко сбавил скорость, оставившись перед собой и как-то вдруг погрузившись в свои мысли. Вдали, по обе стороны от нас тянулись поля лаванды и оливковые рощи, мелькали виноградники. Я была потрясена. Никогда бы не поверила, что это так красиво и так успокаивает. Я ожидала, что деревенский пейзаж покажется мне пугающим, а сейчас я была бы рада, если бы он остановил машину и позволил мне прогуляться на природе, которая всегда была для меня чужой. Мы проехали вдоль стены, сложенной из камня, со старым дорожным указателем. Этот человек не обманул меня. Он действительно был владельцем отеля, причем немаленького, судя по открывшейся перед нами монументальной аллее. Мы въехали в огромные ворота из кованого железа и покатали к дому, а навстречу нам то и дело попадались грузовички рабочих и садовников. Он опустил стекло и всякий раз притормаживал, чтобы поприветствовать каждого и спросить, успеваешь ли тот к сроку. Все разговаривали с ним весело, но уважительно, повторяя “без проблем, до завтра, хозяин”. Еще через несколько минут он остановился на парковке и выпрыгнул из автомобиля. Я последовала его примеру, не дожидаясь разрешения. Ноги затекли, ведь я несколько часов кряду просидела в одной и той же позе.

— Подожди здесь, попробую найти жену. Она займется тобой.

Я даже не успела ничего сообразить, а он уже вытащил мой рюкзак и шел с ним по двору. Потом вошел в гостиницу через большую деревянную дверь и исчез из моего поля зрения. Я застыла на месте, настороженно озираясь, и вдруг почувствовала себя будто под гипнозом, не понимая, грозит ли мне что-то или же я в пол-

ной безопасности. Такое со мной случалось не часто, и я была под сильным впечатлением. Прежде всего, должна признать, от этого мужчины, но и от гостиницы тоже. Я больше привыкла к обшарпанным домам и к хозяевам размещенных в них ночлежек. А этот человек привез меня в какое-то фантастическое место, такого я никогда в жизни не видела, да что там, я даже не подозревала о существовании чего-то подобного. Сам по себе отель был импозантным, величественным: каменные блоки, большие ставни, огромные платаны вокруг всего двора, фонтан, казавшийся сказочным благодаря покрывавшему его мху. Я и двух дней здесь не продержусь, это место не для меня. Должна ли я прямо сразу сбежать, вернуться к своей бродячей жизни, чьи правила я выучила наизусть и в которой умею выживать? А может, надо остаться и использовать свой шанс в этом мире — чужом и незнакомом, но полном такой неожиданной и неодолимой притягательности?

— Девчонка! — позвал он. — Иди сюда.

Я подчинилась.

— Шагай в холл. Через несколько минут к тебе выйдет моя жена. Я отнес рюкзак к тебе в комнату.

Он не оставил мне возможности сбежать, и он уже уходил.

— Подождите!

Зачем я его остановила? Он недоуменно обернулся и терпеливо ждал, пока я открою рот.

— Спасибо, — с усилием выговорила я и сама удивилась, насколько искренне это прозвучало.

Он кивнул, слегка усмехнувшись, и ушел. Я проследила за ним: он двинулся к ресторану, расположенному в строении, которое когда-то давно было, по всей вероятности, амбаром, прошел вдоль террасы

и исчез за углом. Я обернулась к отелю и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы набраться храбрости.

А потом я словно бросилась в пропасть: пересекла большой двор, поднялась на несколько ступенек крыльца, обрамленного цветущими олеандрами, и вошла — наконец-то — внутрь.

Холл был огромным. На стойке из светлого дерева, покрытого патиной времени, мне бросилась в глаза старинная лампа под абажуром с бахромой. Затем мое внимание привлек золотой блеск ключей в настенном шкафчике. Да, я действительно была в отеле, причем в таком, который не имел ничего общего с теми, что я знала до сих пор. Каменная лестница вела на этажи. Одна зона холла служила, наверное, гостиной для клиентов: кресла и диваны навевали мысли об отдыхе и покое, и я бы с удовольствием прилегла на один из них. Но с учетом моего невезения приглашения я вряд ли дождусь. С того места, где я стояла, мне была видна столовая, ее большие стеклянные двери вели в сад, казавшийся бесконечным.

— Сейчас-сейчас! Уже иду! — раздалось вдалеке.

Я завертела головой, пытаюсь угадать, с какой стороны слышится голос. А потом из коридора, которого я до сих пор не замечала, вышла женщина в элегантном темно-синем платье. Она была красива холодной и довольно необычной красотой, черные волосы собраны в пучок, надо лбом выразительная седая прядь. Половину очень бледного лица занимали огромные золотисто-зеленые глаза. От нее веяло печалью, которая не могла не найти у меня отклика. Несоответствие между этой женщиной с ее отелем и мной потрясло меня. Я не привыкла иметь дело с такими людьми.

Впечатлил и контраст между ней и ее угрюмым мужем, бывшим боксером, как я предположила. Если поразмыслить, мне он был все же ближе, чем она, хотя мы с ним едва обменялись тремя словами. Но ей-то я уж точно не ровня — и никогда не буду. И все же какая-то сила толкала меня к ней. Возможно, из-за того, что она смотрела на меня, не осуждая и не оценивая, мне больше не лезли в голову мысли, что я какой-то диковинный зверь, никак не вписывающийся в ее мир.

— Я Маша, жена Джо.

В ее нежном, но энергичном голосе проскакивал едва различимый странный акцент.

— Здравствуйте, — ответила я, робея, что было совсем на меня не похоже.

Я всегда оборонялась, притворяясь более сильной и взрослой, чем на самом деле. Но сейчас это бы не прошло.

— Джо не сумел даже сообщить мне, как тебя зовут, а ведь ты будешь работать с нами.

С нами? А разве не на нас?

— Эрмина.

— Какое красивое имя. И редкое...

У меня вырвался ироничный смешок. Реальность возвращалась на всех парах.

— Его выбрали не за красоту. Моя мать не могла ничего придумать и потому справилась в календаре. И прочла, что я родилась в день святой Эрмины.

Она с подозрением покосилась на меня. Я сболтнула лишнее. Я снова замкнулась, восстанавливая надежные защитные укрепления. Она не стала расспрашивать, только улыбнулась, причем так ласково, что я ответила на ее улыбку, сама того не желая.

— Добро пожаловать в отель “Дача”.

Глава первая

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

“**А** ты храбрая, девчонка...” Вовсе нет, ответила бы я Джо в эту минуту, когда стояла в прихожей, уставившись на свое отражение в зеркале. Я не узнавала себя в этом черном наряде, купленном в спешке. В “Даче” черное не носили. В “Даче” носили белое, светло-желтое, розовое, зеленое, голубое. В “Даче” одевались в цвета радости. Я бы хотела быть храброй и демонстративно явиться в цветном льняном платье. Но горе не позволило мне такую выходку. Простит ли он меня за это? Посмеется ли надо мной? Поймет ли мой гнев? Я на это надеялась, потому что в нем всегда таилось такое же негодование. Я сунула в карман черновик своего текста. Я злилась на весь свет за то, что должна была писать его и страдать, складывая слова и фразы в рассказ о его жизни. Я не хотела слышать свой ослабевший голос, когда через несколько часов буду их произносить. Но я все равно это сделаю.

Ради него. Ради нее. Ради них. Ради той жизни, которая была моей и которой я обязана им.

Я захлопнула дверь своей маслобойни и пошла в сторону двора, так плотно заставленного автомобилями, что они почти загоразживали фонтан. В другое время я бы безумно радовалась: отель заполнен. Только причина аншлага была плохой, неправильной. Хотя... Не будь их сейчас здесь, я бы впала в неистовую ярость. На самом деле у них у всех был правильный повод присутствовать здесь. Клиенты съехались с разных концов страны. Самые первые заняли последние свободные номера — стояла середина весны, сезон только начинался, — всех, кто появился позже, бесплатно расселили в соседние гостиницы и сдаваемые комнаты. Поди пойми, каким образом разлетелась новость. Ни у кого из нас не нашлось времени сообщить всем. Оставалось вообразить, что весть разнесли почтовые голуби...

Я кивала тем, кого встречала по пути. Никто не решился подойти ко мне, мой мрачный вид всех отпугивал. Еще рано. Мне оставалось проверить, все ли готово для того, что будет потом, хоть я в этом и не сомневалась. Пустая отговорка, я хотела выиграть время. Замедлить его. Остановить. Я проскользнула в потайной служебный переход между отелем и рестораном. Толкнула тяжелую дверь и зашла в кухню. Шарль, наш шеф-повар, не заметил моего появления, по крайней мере, не показал, что заметил. По всей вероятности, он занимался готовкой всю ночь, не смыкая глаз и не появляясь дома. Амели, его жена, наверняка ждала Шарля и тоже не спала. Я подошла к нему и накрыла ладонью его дрожащую руку.

— Шарли, — мягко произнесла я, — по-моему, уже всего достаточно... Тебе пора переодеться.

— Ага...

Он отставил сковородку и погасил огонь. Потом схватил меня за плечи, и мы одновременно всхлипнули. Мы были знакомы уже двадцать лет. Когда-то давно различия между нами бросались в глаза, однако мы вместе прошли боевое крещение здесь, в “Даче”, поддерживая, ободряя и мотивируя друг друга, и теперь слова нам были не нужны. Мы долго простояли обнявшись, и я черпала в этом объятии мужество, необходимое, чтобы продолжить путь.

— До скорой встречи, — прошептала я, отходя от него.

В тот момент, когда я собралась переступить порог “Дачи”, голоса за спиной успокоили лихорадочный стук моего сердца.

— Мама!

Я обернулась и сбежала с крыльца, чтобы поймать в объятия Александра и Роми. Мой двенадцатилетний сын прильнул ко мне, как делал это в раннем детстве. Он словно бы за несколько дней опять стал восьмилетним и сравнялся по возрасту с сестрой. Я встретила обеспокоенный взгляд Самюэля, их отца, на чьем попечении они были в данный момент. Он присоединился к нам и непринужденно поцеловал меня в волосы. Мы с ним расстались, но смогли сохранить нежность и взаимопонимание. Не отпуская детей, я разгладила воображаемую складку на его пиджаке. Самюэль, выступающий в таком торжественном наряде, позабавил меня, несмотря на ситуацию.

— Ты сегодня красивый, — шепнула я.

Он засмеялся и заправил за ухо непокорную прядь моих волос.

— Не думала, что однажды это скажу, но предпочла бы обойтись без этого комплимента.

Я поцеловала его в свежевыбритую щеку:

— Пойдем?

Мы уже давно не выступали все четверо единым фронтом. В душе я была благодарна Самюэлю за то, что в нужный момент он приехал. Возможно, мне удастся пережить церемонию с достоинством. Холл был забит друзьями, клиентами, соседями, жителями деревни. Но его отсутствие было почти осязаемым. Объятия, слова поддержки шепотом, тихий плач, звуки грустного смеха. Кто-то спрашивал, в котором часу двинется траурный кортеж. Все ждали сигнала от меня — вопреки моему желанию, меня наделили на сегодняшний день ролью главного распорядителя.

— Где Маша? — спросил Самюэль, отведя меня в сторону.

— В библиотеке.

Я покосилась на часы: пора. Поцеловала детей, попросила хорошо себя вести и не отходить от папы. Большие черные глаза дочки, такие же, как у ее отца, наполнились слезами, я погладила ее по щеке, разрываясь между желанием успокоить, взять на руки и убежать вместе с ней — и моим долгом.

— Мне страшно, мама.

— Понимаю, мне тоже.

— Пойдем, Роми, — позвал ее брат.

Он увел ее, пресекая все возражения. Я следила за ними, пока они не скрылись в толпе гостей, с большинством которых были знакомы. Здесь они не потеряются, всегда найдется кто-то, кто, если понадобится,

займется ими. Да, теперь они жили в “Даче” только каждую вторую неделю, но они здесь выросли.

— Я пошла.

— Эрмина, — остановил меня Самюэль.

Я повернулась к нему вполборота и увидела на его лице все ту же полную нежности улыбку.

— Ты справишься?

— Ну конечно, ты же меня знаешь... Встретимся позже.

Он кивнул.

Перед закрытой дверью библиотеки я судорожно втянула воздух. Каждый уголок этой комнаты был мне знаком. Я прочла здесь столько книг благодаря Маше, особенно русской литературы, дорогой ее сердцу. Сколько раз Джо находил меня тут на рассвете уснувшей на диване? О моем появлении сообщил скрип дверных петель, но никакой реакции не последовало. Я бесшумно двигалась к ним, они неудержимо притягивали меня, их последнее свидание трогало до глубины души. Маша сидела возле своего Джо на неудобном стуле и ласково гладила гроб. Она тихонько выпевала для него русские слова любви, повторяла и повторяла шепотом *dusha moja*. Когда она перевела мне эти слова двадцать лет назад, я беззвучно заплакала, а ведь я тогда была кремень. Мне ничего не было известно о любви, и я в нее не верила. “Душа моя” ударила меня в самое сердце.

Я была уверена, что Маша здесь с самого рассвета. Она, несомненно, проснулась в свое обычное время, в полшестого. На ней было темно-синее платье с запахом, ее траурное платье сегодня. Она зашла на свою кухню,

сварила кофе и, наверное, заставила себя проглотить завтрак. Потом направилась к мужу, как делала это каждый день в последние пятьдесят пять лет. Попала через сад в библиотеку. За несколько часов Маша постарела на добрый десяток лет. Волосы, как всегда собранные в пучок на затылке, стали абсолютно белыми, хотя до сих пор седые перемежались с черными. Седина, тронувшая единственную прядь надо лбом и забывшаяся мне так ярко в нашу первую встречу, за одну ночь воцарилась безраздельно. Джо покинул ее, и только тогда старость завладела ею. Слишком много горя. Слишком много слез. Одиночество, которое ей не удастся ничем заполнить.

— Подойди, *golubka*, — едва слышно выговорила она, протягивая ко мне руку.

Когда она впервые назвала меня голубкой на своем языке, я почувствовала, что стала ей родной, что она подарила мне свою привязанность. Свою любовь. С Машей и Джо я открыла для себя любовь. Любовь, которая приносит добро, которая лечит, восстанавливает, помогает расти. Я поцеловала ее ладонь, продолжая смотреть на Джо, и погладила дерево гроба. Сейчас мне придется еще больше ранить эту женщину, которую я так любила. Как решиться на это? Я цеплялась за гроб и сжимала ее такую хрупкую и в то же время такую сильную ладонь. Я растворялась в последнем объятии этих двоих, сделавших меня такой, какой я стала, и пыталась преодолеть дрожь и остановить подступающие слезы.

— Уже пора? — спросила она каким-то чужим жалким голоском.

— Прости, Маша.

Ее рвущееся дыхание окончательно сдавило мне сердце, которое и без того плохо справлялось со своей

работой. Она поцеловала мое запястье в знак того, что прощает.

— Скоро Джо покинет “Дачу”. Свою “Дачу”... Я должна была уйти первой... Позови их, голубка.

Спотыкаясь, я вышла из библиотеки. Едва я открыла дверь, передо мной вырос Самюэль.

— Где дети?

— Не волнуйся, они с Амели.

— Сходишь за остальными?

Он на несколько секунд прикрыл глаза, его челюсть дрожала. Через пять минут он вернулся с Шарли, с Габи — нашим легендарным старым поваром — и с работником похоронного бюро, потому что нужны четверо, чтобы нести гроб. Мы молча вошли в библиотеку. Маша обняла Джо, свою единственную любовь, в последний раз. Мы ждали, не проронив ни слова. Потом она поднялась и отступила на несколько шагов. Это послужило сигналом. Мужчины должны были приступить к исполнению своей печальной обязанности, и я тронула Самюэля за локоть и взглядом подбодрила его. Он потрянул головой, с трудом справляясь с волнением. Смерть Джо потрясла его гораздо сильнее, чем я могла себе представить. Все, за исключением гробовщика, с почтением поцеловали Машу в щеку и заняли свои места, как им указал человек из похоронного бюро. Потом все вместе подняли гроб, в котором покоился Джо. Я обратила внимание на напрягшиеся бицепсы молодых, которые несли тело очень близкого человека, почти приемного отца, и на руки Габи — он нес тело спутника всей своей жизни и безутешно рыдал. Они шли торжественным, почти военным шагом. Самюэль и Шарль упорно смотрели прямо перед собой, ничего не разли-

чая, их лица почернели от горя. Я отодвинулась, чтобы не мешать им пройти. Маша замыкала процессию, держась с поразительным достоинством. Возле меня она замедлила шаг и улыбнулась.

— Иди за мной, голубка, и возьми своих малышей, — велела она.

На мгновение она предстала передо мной такой, какой была двадцать лет назад, одновременно решительной, нежной и властной, а еще всегда гордой. Джо, сопровождаемый женой, проследовал по “Даче” в последний раз, между двух рядов почетного караула, под взглядами своих друзей, жителей деревни, клиентов и верных сезонных работников. Всех, кто так или иначе был связан с “Дачей”. Маша остановилась на крыльце, я встала справа от нее, Александр и Роми крепко держались за мою руку. Полные слез золотисто-зеленые глаза Маши не отрывались от Джо.

— Все кончено, Джо ушел.

На кладбище было не протолкнуться, все хотели проводить Джо; некоторые пробирались поближе, протискиваясь между могилами, родители поднимали детей на каменный кладбищенский забор. На много километров вокруг его знали все. Деревенский священник пробормотал молитвы, благословил усопшего и, не утерпев, добавил несколько не предусмотренных ритуалом слов. Джо никогда не переступал порог церкви, опасался, как бы его не поразила молния, однако уважал религиозные представления, пришедшие из старых времен, в частности страх гнева Господня, и любил спорить, вести переговоры с представителем Всевышнего. Священник поведал нам об их нескончаемых беседах за стопкой пастиса в “Кафе у почты”,

которые они неизменно вели в базарные дни, поглощая айоли. Он сообщил нам, что Джо не верил, будто ему удастся получить прощение за все свои грехи, но говорил об этом со смехом и тут же заказывал очередную порцию выпивки. Одной стопкой он не обходился, уточнил кюре. Среди собравшихся раздались смешки, даже Маша засмеялась.

— Друг мой, не беспокойся, Господь в бесконечной доброте своей все прощает таким, как ты.

Несколько минут прошло в молчании, а потом он сделал мне знак. Я нежно поцеловала Машу в щеку и вышла вперед.

— Джо, я приготовила речь, но ты речи ненавидишь, поэтому пусть она остается у меня в кармане. Я не собираюсь пересказывать твою жизнь, ведь ты не любил о ней говорить. Ты сдержан, как все, кто вырос без семьи, и я избавлю тебя от неловкости — я такая же, как ты. Ты научил меня гордиться этим, благодаря тебе я примирилась со своим прошлым. Как бы я хотела, чтобы ты увидел всех пришедших к тебе: все они любят тебя и собрались вокруг тебя и вокруг Маши. “Дача” полным-полна, Джо, она живет во имя тебя и всегда будет жить во имя тебя. Через несколько часов в ней будет шумно, зазвучит цыганская музыка, которую ты так любишь, мы будем жить, мы будем пить, мы будем танцевать, как ты это всегда делал. Можешь на нас положиться: мы сохраним все традиции. У каждого из нас есть общие с тобой воспоминания, а у самых везучих — общий отрезок жизни. Пусть каждый погрузится в свою память и с трепетом вспомнит время, проведенное рядом тобой. Мой, наш с тобой, кусок жизни навсегда изменил меня, сделал той женщиной, которой я стала теперь. Ты открыл мне дверь

своего дома, хоть и не знал меня, ты не судил меня, а протянул мне руку. Ты научил меня надежде, работе, я поняла, что такое семья... Я стала сильной и гордой благодаря тому, что ты мне подарил, не ожидая ничего взамен. Я считала тебя бессмертным, Джо, но я ошиблась и злюсь на тебя за это. Ужасно злюсь. Впервые за все время нашего знакомства я готова победить свою робость и наброситься на тебя, наорать, наорать еще громче, чем это делаешь ты. Теперь ты представляешь себе силу моей ярости. Ты не имел права покидать нас так быстро, за несколько часов, не дав нам подготовиться к твоему отсутствию...

Мне пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Потом я продолжила:

— И все же я счастлива, что ты нас покинул именно так, на террасе своего ресторана, в окружении твоих клиентов, после того, как налил всем “на посошок” крепкого красного вина, которым обожал нас спаивать. Теперь ты встретился со своим ангелом. Скажи ей, что я хотела бы с ней познакомиться, сочла бы за честь. Но вам обоим, тебе и ей, не надо беспокоиться, я останусь здесь, рядом с Машей, и всегда буду заботиться о ней.

Я осмелилась поднять глаза на Машу, она мне улыбнулась, и я снова задышала полной грудью.

— Джо... я благодарна тебе за то, что ты ни разу не назвал меня по имени. Спасибо, что всегда звал меня девчонкой... Это так важно для меня, а ведь мы никогда об этом не говорили... Наша с тобой сдержанность помешала мне сказать тебе... но надеюсь, тебе и так все известно...

Я послала ему воздушный поцелуй, в последний раз ласково погладила дерево гроба, а потом снова встала на свое место, понурившись, стараясь прогло-

тить комок в горле. Маша обхватила мое лицо ладонями, поцеловала в лоб и заглянула в глаза.

— Верь, голубка, он знает. Джо знает...

“Дача” бурлила. Прием организовали в главном здании, там, где все начиналось. Ресторан был закрыт. Дети — мои, Шарля и Амели и все остальные — носились по саду, вокруг бассейна, проталкивались между гостями, хохотали, забегали в дом и выскакивали во двор, чтобы стащить пирожное или палочку шашлыка. Они дарили веселье присутствующим. Мангалы разожгли, факелы пылали, гирлянды лампочек освещали беседку, цыгане, верные друзья Джо, играли свою музыку — печальную, влекущую и околдовывающую. Маша сидела на диване и терпеливо, любезно, вежливо и снисходительно выслушивала слова соболезнования. Я не теряла ее из виду, но все время перемещалась из столовой на террасу и обратно, проверяла холл, следила, чтобы у всех все было, старалась обменяться парой слов с каждым, чтобы никто не чувствовал себя обойденным. Да, мы оплакивали Джо, но это должен был быть праздник. Те, кто работал в отеле, пусть хоть один день, чтобы устранить какую-нибудь поломку, теперь участвовали в обслуживании гостей. Я заметила, как Самюэль и Маша тихонько о чем-то переговариваются. Он грустно усмехался. Через несколько минут он возник у меня за спиной.

— От Маши.

Самюэль протянул над моим плечом стопку водки. Я отказалась, мотнув головой. Маша была другого мнения, и взгляд, который она мне послала с противоположного конца террасы, гипнотизировал, приказывая выпить.

— Пожалуйста, выпей, Эрмина, сбрось напряжение, — шепнул мне на ухо Самюэль. — Джо бы это понравилось.

Я зажмурилась и одним духом выпила до дна. Горло обожгло. Тело прошел электрический разряд.

— Спасибо, — сказала я, отдавая ему стопку.

Потом я вернулась к своим обязанностям. Которые обязанностями не были, как бы их ни воспринимал Самюэль. Я все это делала, потому что хотела. Мне было нужно, чтобы, несмотря на печаль и вопреки причине нашего собрания, все были счастливы. Мне хотелось, чтобы Маше было легче от того, что ее Джо ушел так же, как жил, в атмосфере радушия и под музыку. Счастье клиентов, друзей и семьи — вот все, что было для него важно, все, что в восемьдесят с лишним лет поднимало его с постели затемно. И еще я не могла не признать, что суматоха помогала мне справиться. Жизнь, кипевшая в “Даче”, позволяла мне выстоять. Благодаря этим хлопотам я могла уважать себя. Быть гордой. Как они меня научили.

Меня осаждали галлюцинации, и я была этому рада: мне повсюду мерещился Джо, я слышала его громкий искренний смех, звук его поцелуев на Машиных щеках, когда он думал, что никто на них не смотрит, щелчки его любимой зажигалки “Зиппо”, когда он закуривал по вечерам свои сигариллы “Кафе крем”. Со всем стемнело, музыка стала громче, танцующие пары заполнили импровизированный танцпол на террасе перед музыкантами. Те, кто постарше и пришел с Габи, другом детства, собрались за одним столом, чтобы играть в карты и вспоминать проделки своего приятеля. Я даже едва не заулыбалась. Самюэль отыскал меня —

Маша хотела со мной поговорить. Я бросила то, чем занималась, и быстро подошла к ней. На ее лице проступили следы усталости.

— Как ты? — спросила я.

— Не беспокойся, со мной все в порядке. Все вокруг меня прыгают, стараются накормить, приносят выпивку. Джо счастлив, что у нас тут такой праздник.

Маша всегда будет говорить о Джо в настоящем времени.

— Только есть одно “но”, — продолжила она.

— Скажи мне, в чем дело.

Она взяла меня за запястье и нежно улыбнулась:

— Потанцуй, голубка.

Я попыталась высвободиться, но она неожиданно удержала меня железной хваткой.

— Нет, ты не должна меня об этом просить... я не могу... я...

— С того момента, как ты здесь появилась, ты всегда танцевала на праздниках “Дачи”. Вспомни свой самый первый раз... Тот вечер был прекрасным, согласна?

Я растерялась и не ответила.

— Не стану обижать тебя и просить станцевать ради него. Ему бы не понравилось, что я тебя шантажирую, и он был бы прав. Хочу, чтобы ты это сделала ради себя самой. Не позволяй горю поглотить тебя... Прочувствуй и проживи его, а потом оставь в сегодняшнем вечере, а иначе будет поздно, поверь мне... Это приказ.

— Ладно, — сдалась я.

Ее улыбка была одновременно довольной и грустной. Потом она взяла со стола стоящую перед ней бутылку водки, налила в две стопки и протянула одну из них мне.

— Пусть душа Джо навсегда останется в “Даче”, и не важно, что будет потом. И моя смерть не имеет значения. Мы будем жить вечно в этих стенах. Пусть никогда не исчезнет то, что он создал.

В свои восемьдесят она, не поморщившись, выпила водку залпом. Я сделала то же самое, подтверждая согласие с тем, за что она выпила.

— Давай, голубка. Иди, танцуй.

Я поцеловала ее и направилась к танцполу. Нашла по пути Александра и Роми, обняла и увлекла за собой. Они умели танцевать с самого детства — участвовали в отельных вечеринках с соской во рту. Они с восторгом присоединились к танцу. Их улыбки чуть ослабили не отпускавшее меня напряжение. Но я чувствовала, что этого недостаточно. Маша запустила процесс, который я обязана довести до конца.

— Папа! — весело позвала Роми.

Он присоединился к нам, взял ее за талию, поднял и закружил. Вскоре она потребовала, чтобы он остановился, и ускакала. Александр чмокнул меня:

— Можно уйти, мама?

— Беги, любимый.

Он умчался, я не шелохнулась. Самюэль тоже не сдвинулся с места.

— Не спорю, не нужно бы этого делать, — заявила я. — Но ради наших воспоминаний об этом месте и о Джо, ради воспоминаний о наших счастливых моментах — ведь они же были, — и чтобы поверить, что все наладится, чтобы надеяться на это, станцуй со мной, Самюэль. И главное, не останавливайся.

Он ничего не ответил, но сдвинул мой локоть и повел меня в центр танцпола. Нам освободили место, а музыканты заиграли музыку, которую я знала на-

изусть, и им это было известно. Мне пришло на ум, что Маша попросила их дождаться нужного момента и тогда исполнить ее. Я пела во все горло, я выпевала слова чужого языка, которые когда-то мне перевела Маша. Слова, рассказывающие историю не моего народа. Слова страдания и надежды. А потом я как будто перестала касаться земли, с Самюэлем я словно куда-то уплывала, и он мог танцевать со мной сколько угодно. Быстро, еще быстрее, слезы заструились по моим щекам, но я не говорила “стоп”, а Самюэль не сбавлял темп. Оглушить себя. Освободиться. Жить. Я топила горе, доводя себя до изнеможения, в объятиях отца моих детей, мужчины, которого я когда-то любила, в моих рыданиях были не только слезы, но еще и пот, смех, пары алкоголя, боль из-за утраты отца, которого у меня никогда не было. Самюэль наблюдал за мной, чтобы поймать момент, когда я сдамся. Но до этого еще было далеко.

Я действительно не могла запросить пощады. Я все осознавала, но была как в тумане. Опьянела от плача, горя, усталости. Вокруг оставались только самые близкие. Самюэлю пришлось крепко держать меня, не то я бы свалилась. Он отвел меня к Маше.

— Я горжусь тобой, — промолвила она. — Завтра все будет лучше. Ложись спать.

Она обняла меня.

— Маша, я... я...

Она разжала руки и, не дав мне закончить фразу, ушла к себе, сохраняя достоинство до самого конца этого дня.

Еще через несколько минут мы с Самюэлем покинули “Дачу”. Мы молча дошли до бывшей маслобойни, при-

давленные навалившейся реальностью. Перед дверью моего дома я кое-как собралась с мыслями и решилась заговорить:

— Извини меня за сегодняшний вечер.

— Мне это тоже было нужно. И... мы так давно с тобой не танцевали.

Я растроганно кивнула. Нас накрыла тишина, пронизанная воспоминаниями. Самюэль явно прокручивал в мыслях все наши вечеринки в “Даче”, в моем же воображении возникла самая первая, упомянутая Машей, на которой его не было.

— Я могу тебя оставить? — спросил он. — Дети едва стоят на ногах, мне нужно отвезти их домой.

Я притянула его к себе, уткнулась носом в шею.

— Спасибо. Спокойной ночи, Самюэль.

Он поцеловал мои волосы, развернулся и ушел.

Десять минут спустя я упала на кровать. Завтра у меня будет чудовищно болеть голова. Если бы Джо увидел меня в таком состоянии, он бы пришел в восторг. Поминки по Джо были соразмерны его масштабу, ломающему все рамки, мы чествовали его красиво и с размахом. Последнее, что промелькнуло в моем сознании, перед тем как я провалилась в сон, был Машин тост, после которого я дала себе волю: “Пусть душа Джо навсегда останется в “Даче”, и не важно, что будет потом. И моя смерть не имеет значения. Мы будем жить вечно в этих стенах. Пусть никогда не исчезнет то, что он создал”.

В этом она могла на меня положиться.

Глава вторая

Сверлящая боль буравила череп. Я осторожно разлепила веки. Занавески оставались открытыми всю ночь, и это было хорошо. В висках пульсировало, что не помешало мне насладиться зрелищем зарождающегося утра, нежного рассветного солнца, проникавшего в мою спальню и освещавшего ряды олив за окном. Утро как утро. Как множество других. Все изменилось, и ничего не изменилось. Ужасной нереальности последних дней пора завершиться. Рана, естественно, не зарубцуется, но действительность заново вступала в свои права. Меня ждала работа. Душ окончательно меня разбудил. Перед тем как нырнуть в этот день, я дала себе немного времени, чтобы выпить крепкого кофе, разгуливая по своему дому. Однажды фортуна мне улыбнулась: у меня было собственное пристанище в тихой гавани.

Джо и Маша предложили мне там поселиться года через два после моего появления у них. До этого я жила

в комнатухе на последнем этаже “Дачи”. В дальнем конце коридора незаметная дверь вела в крыло сезонных рабочих, которого теперь не существовало: мы перестроили эти помещения, превратив их в просторный семейный номер, пользовавшийся большим успехом у гостей. Мы с Шарли были последними, кто там жил. Он быстро нашел себе дом в деревне, как только узнал, что остается в гостинице на постоянную работу. Я же какое-то время сопротивлялась. Я любила эту комнатенку, ледяную зимой и плавившуюся от жары летом. Она стала воплощением моей мечты об убежище, где я впервые в жизни могла отдохнуть. После двух лет того, что можно назвать выздоровлением, я стала более открытой, начала куда-то выходить, хотя не скажу, что в нашем деревенском захолустье Прованса это были безумные и беспутные ночи. Именно то, что мне тогда нужно было, в самый раз. Я открывала для себя нормальную юность, с друзьями, с которыми мы просто веселились. Смеялись, танцевали, жили.

Джо хохотал как сумасшедший, когда я приезжала в шесть утра на грохочущем “ситроене-мехари”, тем не менее ему это надоело. То еще зрелище: я выхожу из машины с виноватым видом, с потекшей косметикой, под насмешливым взглядом хозяина, изображающего строгого наставника. И дело было не столько в моем опоздании к началу рабочего дня, сколько в том, что громыханье двигателя могло разбудить гостей. Этот предлог придумали для меня Джо и Маша, но я догадалась, к чему они на самом деле стремились: им хотелось подтолкнуть меня, заставить двигаться вперед. Джо не утерпел и буркнул:

— Не сомневаюсь, однажды ты притащишь сюда ка-

кого-нибудь типа, и я предпочитаю, чтобы ты обделывала свои делишки не под моей крышей.

Маша оскорбилась и с притворным возмущением хлопнула его по ладони, я покраснела так густо, как никогда не краснела в жизни... а они предложили мне поселиться в бывшей маслобойне.

Имелась в виду постройка на территории “Дачи”, где в период, когда здесь еще была ферма, находились мельница для оливок и маслобойный пресс. Джо с Машей восстановили это строение, чтобы оно не разрушилось со временем. Несколько лет назад бывшая маслобойня была жилым помещением. Мой предшественник уехал вскоре после моего появления и не планировал возвращаться. Я приняла предложение с волнением и смутным страхом: ведь я до некоторой степени уходила из-под их опеки. Маслобойня стояла в сотне метров от основного здания и имела прямой выезд на дорогу. У меня появилась возможность в нерабочее время жить своей жизнью, о которой им ничего не было известно. Как будто я собиралась скрытничать! Вопрос о том, чтобы я доплачивала за свое новое жилье, даже не обсуждался — Джо и Маша не хотели ничего слышать. Я должна была оплачивать только уход за помещением — эта обязанность отошла ко мне, что логично. Вздумай я затеять ремонт или переоборудовать жилье по своему вкусу и для своего удобства, никто бы мне не запретил, при условии, что я это делаю за свой счет и не меняю внешний облик здания. Когда я в первый раз вставила ключ в замочную скважину — вообще-то я впервые в жизни обзавелась собственными ключами, — я почувствовала, что прочнее укоренилась здесь, как будто

корни, которых мне недоставало до сих пор, разветвились и ушли чуть глубже в прованскую почву. Я жила на маслобойне, и она постепенно менялась. Вначале я ограничилась обустройством главной комнаты и спальни. Потом в мою жизнь вошел Самюэль. Он долго противился, но в конце концов перенес ко мне свои вещи. Позднее мы отремонтировали две новые комнаты — детскую Александра, потом детскую Роми. Теперь я жила здесь одну неделю из двух в одиночестве, а вторую вместе с обоими детьми, и мне было хорошо. Я была счастлива, можно и так сказать. Маслобойня была моим домом восемнадцать лет, если не считать нескольких месяцев, когда Самюэль пытался заставить меня жить в другом месте. Но об этой части истории я не хотела вспоминать...

В полседьмого я переступила порог “Дачи”, оставив большую деревянную дверь открытой. Дом должен наполняться свежим воздухом. Это была привычка, ритуал, которому мы следовали, если позволяла погода. Дверь всегда должна быть открыта для проходящего мимо путешественника. Завтраки подавались в столовой или на террасе у бассейна, но никогда в ресторане Шарля и неизменно готовились на кухне Джо и Маши.

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от остальных... Кофе уже варился. Я не удивилась, увидев Машу в темно-синем платье, с безупречным пучком на затылке, суетящуюся у большого деревянного стола.

— Булочник все еще не явился, голубка.

— Что ты тут делаешь? Сегодня тебе надо бы отдохнуть.

Я подошла к ней, стала за спиной, обняла за плечи, а она погладила мои руки.

— Если всю жизнь вставала в полшестого, трудно менять привычку.

Для Маши всегда было делом чести приготовить завтрак для гостей и подносы, которые относили тем, кто завтракал в номере, до десяти утра, занимаясь при этом и всеми остальными делами. Ранние, на рассвете, отъезды, претензии, опоздания работников, букеты цветов, которые нужно расставить по всему отелю, бронирование номеров. Она научила меня с улыбкой переходить от одного дела к другому, независимо от времени суток.

— Ладно, но ты все же будь осторожна.

Она поцеловала меня в щеку и нетерпеливо махнула, отправляя из кухни, чтобы я переговорила с булочником. Уже через пару минут я была в маленьком кабинете, примыкающем к ресепшену, и набросилась на беднягу по телефону. У него были самые лучшие намерения, он полагал, что, “учитывая обстоятельства”... Последние слова были лишними.

— ОТЕЛЬ ЗАПОЛНЕН ПОД ЗАВЯЗКУ! — заорала я. — Так что поторопитесь!

И тут же разозлилась на себя.

— Простите, я не должна была на вас кричать.

— Все нормально, Эрмина, я не в обиде.

Я повесила трубку и помчалась в столовую. Там я нос к носу столкнулась с Амели, женой Шарли, нашим старшим менеджером, занимающейся буквально всем. У нее был тот же настрой, что и у меня. Работать. Вести себя так, будто...

— Привет. — Я обняла ее. — Спасибо, что пришла так рано.

— Ты поспала?

— Достаточно, чтобы продержаться до вечера.

— А это кто такие? — спросила она, указывая на двух молодых ребят, которые расставляли столы.

— Я их наняла на сегодня. Похоже, я была убедительна, раз они явились вовремя!

— Ты все спланировала..

— В последнее время мы немного разболтались, качество обслуживания снизилось. И я не уверена, что наши гости будут снисходительны вечно..

— Ты думаешь?

— Возможно, я преувеличиваю, но... предпочитаю не давать им повода даже заподозрить признаки расслабленности.

Она нахмурилась, что-то учуяв.

— Что тебя беспокоит, Эрмина?

— Ничего! Все в порядке... правда.

Она слишком хорошо меня знала и потому не поверила ни единому моему слову. Я пошла посмотреть, как там на террасе, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Смерть Джо, когда я беспристрастно оценивала ее с объективной точки зрения, абстрагируясь от нашего горя и нашей всеобщей любви к нему, означала конец целой эпохи. Окончание очередного жизненного цикла “Дачи”. Причем весьма важного или даже самого важного. Джо был душой этого курортного места, праздников, отдыха, легкости. Я проработала здесь уже двадцать лет, наблюдая и участь, и я была знакома с гостями отеля, его постоянными клиентами. Они, конечно, приезжали ради красоты пейзажа, качества обслуживания, из любви к здешним местам, климату,

комфортной жизни. Но многие из них стремились сюда ради самих хозяев. Чтобы побыть рядом с Джо и Машей, напоминая идеальную супружескую пару из какого-нибудь культового кинофильма. Благодаря чутью Джо они первыми открыли гостиницу в этом уголке Франции и сделали все, чтобы гости ее полюбили. И вот теперь эта пара смертельно ранена. Ее больше нет. Продолжат ли наши постоянные клиенты проводить здесь отпуск и длинные выходные? Не будут ли опасаться, что из-за смерти Джо “Дача” утратит то, что их влекло сюда? И этим опасениям вряд ли помешают и наша усердная работа, и их уважение к “нашим боссам” и тому, что они создали. И хотя в последние годы Джо и Маша уже не с таким рвением занимались гостиницей, как раньше, и переложили на меня почти все свои обязанности, тем не менее в восприятии гостей они были вечными. Легендарные хозяева “Дачи” продолжали присутствовать в ней: Джо каждый вечер заходил в ресторан, чтобы угостить клиентов последней рюмкой, у Маши всегда находилось время поболтать с гостями, открыть им двери своей библиотеки, очаровать мужчин, не замечающих ее возраста, к вящему удовольствию мужа, который всегда бросал на нее гордые взгляды собственника. Все это было частью связанных с отелем мифов. И все это прервалось — резко и бесповоротно... До сих пор я никогда об этом не задумывалась, я тоже считала “Дачу”, Джо и Машу бессмертными. Вот что стало мне абсолютно ясно, когда я увидела, как искренне, по-дружески ведут себя клиенты, приехавшие отдать последний долг Джо. И я не сумела прогнать мысль о том, что они здесь ради того, чтобы прожить финальный момент своих долгих отношений с этим местом.

Я воспользовалась относительным затишьем второй половины дня: те, кому пора было возвращаться к обычной жизни, уже уехали, а новые гости, незнакомцы, ожидались ближе к вечеру. Сидя в кабинете, я просматривала заявки на бронирование, поступившие за последнюю неделю. Впервые после того, как это стало одной из моих обязанностей, я не обработала их вовремя. Если не отвечаешь оперативно на запрос, теряешь клиентов — по их мнению, ты их недостаточно уважаешь. Это был один из первых полученных и усвоенных мной уроков.

Я почти наверстала упущенное, как вдруг в дверном проеме вырос Самюэль. Он сменил костюм на рабочую одежду.

— Зачем ты пришел? Ты же сегодня не должен был.

— В саду побывала уйма народа, и я подумал, что не мешает там приборать.

Самюэль был ландшафтным дизайнером и возглавлял фирму с полутора десятками садовников. Когда мы познакомились, его только что наняла контора, которая отвечала за благоустройство территории “Дачи”. Он был трудолюбив, безусловно талантлив и умел экономить, поэтому пять лет назад сумел выкупить целиком долю своего хозяина, когда тот вышел на пенсию. Он не ограничился активной работой в ландшафтном дизайне, а занялся еще и разведением оливок. Купил несколько гектаров земли с деревьями и стал ухаживать за ними, чтобы производить собственное оливковое масло. Самюэль любил землю, любил заботиться о ней и заставлять ее приносить плоды и при этом следовал традициям. Вопреки нашим конфликтам, нам прекрасно удавалось избегать разногласий по работе. Когда речь

шла о работе, я не была для Самюэля Эрминой, женщиной, которую он когда-то любил, матерью его детей, с которой он расстался. И для меня он не был мужчиной, которого я когда-то любила, отцом моих детей, а был ответственным за внешнюю территорию отеля.

— Большое спасибо, — ответила я, откидываясь на спинку кресла. — О саде-то я забыла... Ты наверняка запустил свои дела в последние дни, мне жаль, что ты посчитал себя обязанным прийти...

Он отмел мои извинения взмахом руки.

— Где Маша? Хочу обнять ее, перед тем как приступить к работе.

— Наверное, в саду, пойдем к ней.

Мы вышли на террасу и увидели вдали ее силуэт. Она сидела на качелях, закутавшись в шаль. Сиротливая и такая хрупкая. Накануне она, наперекор трауру, была сильной, гордой, верной себе, такой, какой я ее всегда знала. И все сегодняшнее утро она не сдавалась, проводила каждого гостя, тепло благодарила за то, что не поленился, приехал, чтобы сказать последнее прости Джо, не показывала, как ей больно. Тишина, воцарившаяся в ее отеле, лишившемся хриплого голоса Джо, неожиданно придавила ее. Повседневная жизнь стремительно возвращалась, вступая заново в свои права, и каждая минута напоминала Маше, что Джо больше нет. Не станет ли его смерть невыносимым испытанием? Испытанием, после которого Маша не поднимется. Ей уже довелось пережить худшее, самое ужасное для матери.

За несколько месяцев до моего приезда Джо и Маша потеряли дочку, Эмму. Эмма родилась с пороком сердца. Для них с самого начала не было тайной, что

она, с большой вероятностью, будет лишена долгой спокойной жизни. К несчастью, их опасения оправдались, дочка угасла в возрасте двадцати одного года. “Наш ангел” — так ее назвала Маша в тот день, когда я узнала об Эммином существовании. Я долго преодолевала робость, мешавшую спросить, кто эта девушка на множестве семейных снимков. Это был один из редких случаев, когда она упомянула Эмму.

Говоря о дочке, Маша произнесла: “Нам посчастливилось, что она была в нашей жизни, она подарила нам свою силу и свою улыбку, и так было до самого конца”. Эмма была вылитая Маша, но насколько Маша была печальной, настолько же Эмма шаловливой и солнечной. Каждая ее фотография лучилась радостью жизни, как будто Эмме надо было успеть всем насладиться, полностью использовать отмеренное время. Рассматривая снимки, хотелось любить ее, не расставаться с ее ласковой улыбчивостью. Я тогда не могла по-настоящему оценить физическую боль от потери ребенка, которую Маша терпела изо дня в день. Но после рождения Алекса я чувала ее нутром и даже боялась представить себе, что она должна была испытывать тогда и что она испытывала сегодня, понимая, что ее дочери больше нет. А теперь она лишилась и Джо...

— С тобой все в порядке? — забеспокоился Самюэль, когда я, подавленная Машиними одиночеством и горем, застыла на месте, не в состоянии сделать ни шагу.

— Мне сейчас некогда об этом думать... Как дети сегодня утром? Я им не позвонила... я...

Он выразительно поджал губы, демонстрируя озабоченность, и я тут же замолчала, заметив, что мы опять входим в роль разбежавшихся родителей...

— Они попросили, чтобы я отвез их в школу, а ты сама можешь представить, на кого они были похожи, проснувшись... При этом я был готов взять их с собой, но с них уже достаточно... Они хотят вернуться к нормальной жизни, к своим друзьям. Заодно хочу предупредить, чтобы ты была готова: они боятся приезжать сюда на выходные.

— Почему?

С каких пор мои дети боятся “Дачи”?

— Прикинь сама, Эрмина, они все время без тебя, две недели подряд они со мной, ты им редко звонила и практически запретила приезжать сюда до похорон. Ты для них как будто куда-то исчезла.

Я тут же заняла оборонительную позицию и подняла руку, чтобы прервать его.

— Я делала что могла.

Я позволила себе погрузиться в хлопоты последних дней, поскольку была уверена, что они в безопасности и отец заботится о них. Однако этого было недостаточно, в чем я отдавала себе отчет. Но он не имел права на меня нападать. Самюэль нередко пытался поучать меня и временами вел себя со мной как с ребенком. Ему, конечно, пришлось иметь дело с моими страхами, отгонять их и приручать меня, но, на мой вкус, он играл на них излишне часто. Позволял себе сомневаться в моих способностях, чтобы выпятить свою незаменимость, доказать свою правоту по всем позициям и упрекнуть меня в неправильной расстановке приоритетов. Обычно меня это бесило, но смерть Джо не должна была стать причиной нашей ссоры. Ему бы это не понравилось. Я отвела взгляд, чтобы совладать с эмоциями, не поставить Самюэля на место, не взорваться. Тем более что он хранил олимпийское спокойствие.

— Я с этим не спорю. Просто сообщаю, что они очень грустят. Они ведь тоже потеряли Джо, ты и сама знаешь, что он был для них как дедушка...

У него дрогнул голос. Когда он успел сделаться таким впечатлительным?

— Ну да, конечно. Я не услышала от тебя ничего нового. — Мой голос дрожал от раздражения и печали, с которыми мне трудно было справиться.

Неожиданно Самюэль заключил меня в объятия и нежно погладил по волосам. Теперь он пытается получить прощение.

— Эрмина, я тебя ни в чем не упрекаю. Вовсе нет, поверь, просто ты должна учитывать, что Алекс и Роми волнуются за тебя. Вчера они наблюдали, как ты боролась, а потом сломалась... Они беспокоятся и за Машу тоже и опасаются встречи с ней...

Он что, считает, будто я об этом не задумывалась, что мысль о переживаниях моих детей не будила меня посреди ночи в последнее время? Самюэль не жил здесь уже три года, он не наблюдал за тем, как Алекс и Роми росли и выросли рядом с Джо и Машей. Он даже не представлял себе всю глубину привязанности между ними, он вообще предпочитал не замечать ее, не принимать в расчет. Какое право он имел теребить сегодня эту болезненную для меня струну? Оживлять ужасный страх, затаившийся в глубине моего естества. Выпускать на волю демонов, которые и так грозились вырваться при любой возможности.

— Я в курсе, что мне надо делать, Самюэль.

Он тяжело вздохнул и сильнее стиснул меня в объятиях.

— Прости, я не должен был на тебя давить.

Странно, но его объятие, которое было теперь

вроде как неуместным, оказалось полезным, мне нужно было, чтобы ко мне прикоснулись, чтобы меня покрепче стиснули. Я подняла глаза и встретила взглядом со смотревшей на меня издали Машей.

— Пошли, она нас увидела, — позвала я Самюэля.

Мы пересекли большой газон, Маша встретила нас грустной улыбкой. Она протянула руки Самюэлю, он схватил их.

— Милый Самюэль, как я рада тебе.

— А я тебе, Маша.

Они нежно расцеловались.

— Пройдешься со мной по саду? Обопрись на меня.

Ну как на него сердиться, если он не пожалел своего рабочего времени для пожилой дамы, только что потерявшей мужа? Их отношения обычно были уважительными и доброжелательными. Тем не менее между ними всегда оставалась некоторая необъяснимая для меня дистанция.

— С удовольствием. Ты мне расскажешь, как там ваши малыши. Грустят, наверное? Я не смогла вчера с ними поговорить, и мне очень жаль.

Она довольно легко поднялась, но не отвергла помощь Самюэля. Хорошо, что Самюэль поделится с ней переживаниями детей. Прекрасно зная Машу, я была уверена, что она сумеет их успокоить, придать им уверенность. И от этого ей самой станет немного легче, по крайней мере, я на это надеялась. Мои дети относились к Джо и Маше как к дедушке и бабушке, а Джо и Маша подарили Алексу и Роми место внуков, которых у них не было.

Маша угасала словно свеча. Я должна была постараться оживить ее пламя, пусть хоть чуть-чуть. Нужно

было снова открыть библиотеку — для Машиного блага, для блага отеля и меня самой. Ее закрыли представители похоронной службы, как только отбыл траурный кортеж. С тех пор никто ее не открывал. Никто не входил в библиотеку, после того как ее покинул Джо. Я перешагнула через порог и притворила за собой дверь. Зажмурившись, прислонилась к деревянным полкам, чтобы подготовиться и убедить себя, что можно стереть из памяти последние дни. Потом я открыла глаза. Пустота. Зияющая пустота посреди комнаты. Диван и кушетку, предназначавшиеся для читателей, в спешке придвинули вплотную к книжным полкам, большой низкий деревянный стол втиснули в угол, в другом углу стоял свернутый в рулон белый шерстяной ковер. Я видела только помещение, в котором Джо провел свои последние часы, и стул, на котором бесконечно долго сидела Маша. Однако не эта комната была ближе всего Джо. Он проводил целые дни в саду, на террасе, в ресторане. Но оставить там его тело было невыносимо. Даже непристойно. Маша сразу предложила библиотеку — свою библиотеку, — я попыталась ее разубедить, подозревая, что потом ей будет трудно там находиться. Она не хотела ничего слышать. Объяснение было предельно простым: это детище Джо, он соорудил для библиотеки громадные, от пола до потолка, стеллажи и сделал это только для Маши, для ее книг, для ее русской литературы — в оригинале и в переводе. Я призывала на помощь свои воспоминания, чтобы заново ощутить власть, которую имела надо мной эта комната. Моя жизнь по-настоящему началась в библиотеке двадцать лет назад.

Полгода, о которых говорил Джо, когда подобрал меня в кафе Кавайона, близились к концу. В конце октября в гостинице было уже совсем немного постояльцев, и “Дача” спокойно переходила к зимней спячке. Мне вот-вот придется ее покинуть, а ведь я уже начала любить ее и чувствовала себя в ней в безопасности. Впервые в жизни мне захотелось где-то остаться. Я сердилась на себя за то, что расслабилась, потеряла бдительность, забыла подготовиться к тому, что будет потом. Единственное утешение: я не потратила ничего из заработанных денег, и значит, проблемы начнутся у меня не сразу. Тем не менее я не представляла ни что делать, ни куда идти, потому что отказывалась думать об этом, живя только сегодняшним днем. Большой город теперь пугал меня, а здесь моя всегдашняя настороженность испарилась, я привыкла к деревенскому спокойствию и комфортному существованию с собственной кроватью, душем, сытной едой и смутным ощущением тепла домашнего очага. Встречаясь с Джо или Машей в гостинице, я вжималась в стенку, боясь, что на мою голову обрушится меч и они скажут, что сегодня я здесь последний день. И все же момент, которого я боялась, настал.

Был понедельник, вторая половина дня, сразу после окончания школьных каникул на День Всех Святых. Я только что окончательно законсервировала на зиму несколько номеров, весеннее открытие которых уже не увижу, и тут пришла Маша и позвала за собой. Я подчинилась с тяжелым сердцем, но вдруг сообразила, что отчаяние — практически незнакомое мне чувство, такую прочную броню от ударов судьбы я себе создала. Я всегда старательно запрещала себе